

В свои 27 лет Геннадий Углов имел репутацию пьяницы и тунеядца! Трёхкомнатная квартира на десятом этаже десятиэтажного дома, в которой он проживал вместе с мамой-пенсионеркой, пользовалась у соседей дурной славой. Здесь нередко до полуночи (особенно когда мамы дома не было) пели и плясали, и веселие это не ограничивалось только территорией квартиры, а выплескивалось на лестничную площадку и во двор – вплоть до вмешательства полиции. Мать, несмотря на свои шестьдесят с хвостиком, работала бухгалтером в домоуправлении, чтобы заплатить за коммунальные услуги своей просторной квартиры, а также содержать себя и сына. А Гена, после демобилизации из армии, всё ещё «искал себя», по собственному выражению – интуитивно нащупывал жизненную стезю. Он, то устраивался на какие-то курсы, то работал непродолжительное время где-нибудь слесарем или дворником – и частенько выпивал. Предпочитал пиво или водку, или водку с пивом. До наркотиков или суррогатов алкоголя дело пока не доходило. После длительных запоев с неизменными прогулами возникали конфликты на работе, Гена писал заявление по собственному желанию и увольнялся тихо-мирно, без порочащих записей в трудовой книжке.

В пьяном виде Гена становился раздражительным, конфликтным, легко вступал в ссоры с незнакомыми людьми, случайными собутыльниками и приятелями, и потому был неоднократно бит. Сотрудники подстанции «скорой помощи», расположенной неподалёку, оказывали ему медицинскую помощь и увозили в больницу...

Несколько раз Гена совершал попытки самоубийства. Однажды, будучи пьяным, он почувствовал стойкое отвращение к жизни, наглотался снотворных таблеток... но бдительная мама вовремя заметила его состояние, заподозрила неладное и, обнаружив упаковки от лекарства, вызвала «скорую». Приехала бригада в составе врача Игоря Николаевича и фельдшера Гали, промыли пациенту желудок и увезли в больницу продолжать лечение. После такой выходки Гену поставили на учет в психодиспансер, и отныне всякая престижная работа для него была заказана! В пьяном угаре он дважды пытался перерезать вены на левой руке, но, то ли ножик попался тупой, то ли в последний момент организм как-то внутренне сопротивлялся попыткам самоуничтожения – во всяком случае, раны получались неглубокими, без повреждения крупных сосудов и нервов. Оба раза к Углову приезжали молодые фельдшера, перевязывали руку и доставляли в травмпункт.

В ночь на Рождество врач «скорой помощи» Игорь Николаевич находился на своём рабочем месте. В течение дня его бригаду направляли к разнообразным пациентам. С наступлением вечера вызова пошли на убыль, и перед полуночью ему удалось даже присесть на кухне перед телевизором. Прихлебывая из стакана чай, Игорь Николаевич равнодушно глазел на экран, на очередную праздничную передачу, где всевозможные «звезды» кино и эстрады, разряженные как попугаи, долго кривлялись и паясничали, и, наконец, преувеличенно радостными голосами заорали – «С Рождеством!» Всё это действие никак не соответствовало серьёзности и торжественности данного события. Игорь Николаевич охотно бы переключился на другой канал, но телевизор смотрели и другие сотрудники, которых эта передача устраивала.

Игорь Николаевич встал, намереваясь пройти в комнату отдыха, и в это время его бригаду объявили на вызов – причем, срочный вызов! Спустившись на первый этаж, он увидел у окна диспетчера фельдшера Галю, невысокого роста молодую женщину, с картой вызова в руке.

– Парашютист, – сообщила она. – Реанимация занята – придёт ехать нам.

Парашютистами на «скорой помощи» называли пациентов, которые по ряду причин падали с различной высоты – чаще всего из окон домов. Эти вызова предусматривали тяжёлые травмы вплоть до летального исхода.

Уже в машине Игорь Николаевич обратил внимание на фамилию и адрес пострадавшего.

– Гена Углов? – удивился он. – Допрыгался.

Место вызова было недалеко – добрались за две минуты.

Вот и десятиэтажный дом. Внизу, на тонком слое свежеевыпавшего снега лежит, постанывая, молодой худощавый мужчина. Так и есть – Гена Углов! Рядом суетится высокий сутулый парень.

– Сидели, выпивали. Рождество отмечали! – объяснял он медработникам. – Ушёл Генка на лоджию покурить. Открыл окошко настежь. А потом взял и перешагнул через перила – я и охнуть не успел.

«Удивительно, как жив остался! – подумал врач. – Ведь с десятого этажа свалился! Сугробов-то у дома практически нет, зима ныне малоснежная!»

«Парашютиста» уложили на носилки и погрузили в салон «скорой».

При осмотре Игорь Николаевич выяснил, что у пациента перелом правого плеча и правой пяточной кости, переломы двух или трёх ребер справа, перелом нижней челюсти. Не исключается ушиб мозга и повреждения внутренних органов. Вероятно, пациент упал на ноги мягко, пружинящее (как настоящий парашютист) завалился на бок и несколько раз (судя по примятому снегу) перекатился на снегу. Всё эти движения способствовали уменьшению силы удара, в результате чего Углов остался жив. Состояние было тяжелое, Углов находился в шоке, но артериальное давление всё еще определялось.

В процессе оказания помощи Гена мычал от боли, но ничего членораздельно сказать не мог, отчасти в связи с шоком, отчасти из-за перелома челюсти.

Пострадавшего повезли быстро, но аккуратно – плавно притормаживали на поворотах, уменьшив скорость, медленно перебирались через трамвайные пути. Транспорта на улицах в эту ночь было немного, на перекрестках не останавливались. Диспетчер предварительно сообщила в дежурную больницу, и в приемном покое их уже ждали.

– Тяжелый больной! – сказал Игорь Николаевич, когда бригада возвращалась на подстанцию – Повезло, что живым доставили.

Через три дня, на следующей смене, Игорь Николаевич позвонил своему знакомому реаниматологу Титову, который в прошлую смену принимал у него Углова, и поинтересовался судьбой пострадавшего.

– Были разрывы внутренних органов, но операция прошла успешно. Состояние тяжёлое, но стабильное, – сообщил Титов. – А ушиб мозга и переломы – вопрос времени. Скорее всего, выкарабкается.

«Но на всю жизнь останется инвалидом!» – подумал Игорь Николаевич.

В начале марта бригаду Игоря Николаевича послали на вызов... к Геннадию Углову.

– Надо же – оклемался Гена! – сказала фельдшер Галя, когда медработники поднимались на лифте.

Дверь была не заперта. Гена встретил медиков у порога, и прихрамывая и опираясь на легкую трость, провел их в зал. Здесь было чисто. В красном углу висело несколько икон, которых раньше не было. Горела лампадка.

Гена уселся на диван, медработникам предложил стулья.

– Сердце болит, – пожаловался он. – Уже неделю ноет. И воздуху временами не хватает.

После подробного осмотра и снятия кардиограммы Игорь Николаевич окончательно определился с диагнозом.

– С сердцем все в порядке, – успокоил он Гену. – Скорее всего, после всего пережитого у вас стали пошаливать нервы.

– И что делать?

– Можно обратиться к неврологу, в психоневрологический диспансер. Выпишут таблетки, капельки. А можно сделать по-другому, – Игорь Николаевич выразительно посмотрел на иконы. – Учитывая вашу веру в Бога, лучше помолиться, к батюшке на исповедь сходить.

– В психушку я, конечно, не пойду! – решил Гена. – Только в храм.

– А как тогда, в январе, всё как получилось? – поинтересовался врач.

– Как обычно! Решил на пьяную голову, что жить не стоит, да и перемахнул через перила. Легко летел, словно пёрышко. Как приземлился – не помню... Только боль, дикая боль везде, во всем теле. И слабость появилась. Жить захотелось – спасу нет. Богу впервые взмолился: «Спаси и сохрани! Осознал! Всё по-другому будет, если жив останусь!» И вот результат – живой, хожу помаленьку, здоровье потихоньку поправляется.

Гена говорил спокойным ровным голосом, очень уверенно, без тех истерических ноток, которые раньше присутствовали в его речи. И вообще, до этой рождественской ночи Углов по своему характеру напоминал скорее взбалмошного инфантильного подростка, нежели зрелого мужчину. Падение с десятого этажа, когда ему пришлось впервые по-настоящему взглянуть в глаза смерти, пройти через физические и психические страдания и, наконец, чудесное выздоровление (а по-другому это не назовёшь) резко повлияли на этого человека, заставили по-новому взглянуть на жизнь, разом повзрослеть.

– Чисто у вас здесь теперь. И тихо, – заметила фельдшер.

– От спиртного просто отвернуло. Даже запаха не переношу! – сообщил Гена. – Вся эта пьянка ни к чему. Искус дьявольский. Друзья поначалу приходили с выпивкой, но я всех отвадил. Я теперь вместо винного отдела в церковь хожу. И книги читать начал.

С той поры визиты медработников в эту квартиру прекратились. Через полгода, побывав на вызове у соседей Углова, Игорь Николаевич узнал от них, что Гена полностью поправился, устроился на работу, а месяц назад женился.

Дожить до старости

Рассказ

В этот день Павел Степанович, как обычно, проснулся очень рано – на соседней улице только-только загрохотали, зашумели первые трамваи.

В маленькой двухкомнатной квартире уютно и тепло: начался отопительный сезон, и горячие батареи изгнали недавнюю сырость и прохладу.

Павел Степанович присел на диване – он любил засыпать вечером перед телевизором, и стал не спеша одеваться. В соседней комнате, за плотно прикрытой дверью, спала жена, Лидия Сергеевна, инвалид второй группы. Она проснется примерно через час.

Умывшись, Павел Степанович прошёл на кухню, зажёл конфорку на газовой плите и поставил разогреваться чайник.

За окном моросил дождь, колыхались на ветру мокрые ветки деревьев. Небо сплошь заволкло серовато-сизыми тучами. Временами, крепко сжимая в руках зонтики, шлёпали по лужам одинокие прохожие.

Ещё немного и в подъезде начнут хлопнуть дверями уходящие на работу жильцы, загомонят ребятишки – кому в садик, кому в школу. А ему, пенсионеру, спешить некуда, да и не за чем: сорокалетним трудовым стажем, как у Павла Степановича, не каждый может похвастаться. И пенсию, по его мнению, дали хорошую, не поскупились: он всю жизнь на стройке оттрубил, заработки высокие были. Но здоровье, конечно, подорвано – ничего даром не даётся и бесследно не проходит! Одышка при ходьбе беспокоит, суставы скрипят, ноги побаливают. Да еще и голова туго соображает! Врач в поликлинике назвал это мудреным словом энцефалопатия, прописал лекарства для улучшения ума, которое он, конечно, принимает, но заметных успехов от лечения не видно. Но, слава Богу, он на своих ногах, пенсию самостоятельно на почте получает, по магазинам ходит. И на большее не претендует. В 76 лет и этого достаточно. До таких годов не каждый мужик доживает.

Попив чайку с бутербродами, старик взял журнал с новым кроссвордом и увлёкся его разгадыванием...

От этого занятия его отвлекло громкое постукивание – его супруга, опираясь на прочные никелированные ходунки, медленно направлялась в ванную.

– Теперь можно и позавтракать, – пробормотал Павел Степанович и поставил на газовую плиту увесистую чугунную сковородку.

Позавтракали вдвоём, по-семейному – яичницей с макаронами. Старики не шиковали. Жили в основном на пенсию Павла Степановича – ее хватало на питание и оплату коммунальных услуг. Пенсия Лидии Сергеевны переводилась на сберкнижку, эти деньги старались не трогать, тратили только на внезапные непредвиденные расходы. Деньги потихоньку подкапливались, и это вселяло определённую уверенность в завтрашнем дне, потому что надеяться старикам было не на кого. Единственный сын умер три года назад от инфаркта миокарда в возрасте 48 лет. Невестка с внуком-студентом проживала в другом городе – в соседней области. В летние каникулы внук обычно приезжал на пару недель погостить, тем самым скрашивая их однообразное существование.

После завтрака Павел Степанович еще немного посидел над кроссвордом, а потом стал собираться в управляющую компанию (которую все называли ЖЭКом) – пора было оплатить счета за коммунальные услуги.

На улице было пасмурно и слякотно, но дождь почти прекратился, и только крупные холодные капли падали с веток деревьев.

Путь в ЖЭК проходил мимо продовольственного магазина, и Павел Степанович заблаговременно перешёл на противоположную от магазина сторону дороги. Поравнявшись с магазином он поднял воротник плаща, надвинул кепку на самые глаза, прибавил шагу. И на это были причины – у входа в магазин отирались несколько здешних пьяниц- Попрошаек.

Старику удалось проскочить незамеченным. Отойдя на безопасное расстояние, он вернулся на другую сторону дороги и приблизился к ЖЭКу, находящемуся за три дома от магазина.

Павел Степанович заплатил по всем квитанциям, и денег у него осталось с гулькин нос – несколько медных монеток. Но зато теперь целый месяц можно было не беспокоиться – старик не любил оставаться в должниках.

«Надо бы еще сходить в поликлинику, выписать лекарства для бабки, – планировал свои дела Павел Степанович. – Ладно, схожу завтра!»

Задумавшись, он забыл вернуться на другую сторону дороги, неторопливо добрел до магазина... и наткнулся на двух мужчин, стоящих у входа. Как раз с ними старик меньше всего хотел бы встретиться.

– Эй, дед, тебя-то нам и надо! – дыша винным перегаром обратился к нему худощавый мужчина среднего роста, на вид лет за тридцать. Его звали Олегом, и месяц назад Павел Степанович по легкомыслию дал ему немного денег на опохмелку.

– Одолжи сотню, или, лучше – две, – продолжал Олег. – Похмелиться надо. Потом как-нибудь верну.

Павел Степанович знал, что давать деньги в долг Олегу – все равно, что их выбросить на помойку. Но старик готов был это сделать – лишь бы отвязались. Но денег не оставалось.

– Дал бы я вам, ребята денег, да не осталось ничего, – развел руками пенсионер.

– Ну, дедуля, жмешься! – подступил к нему второй пьяница, повыше и постарше Олега, и телосложением покрепче, с патлами рыжеватых волос, торчавших из-под грязной серой кепки. – Поучить бы тебя, да народу вокруг много. Но мы тебя в другой раз оформим.

Смотрел Павел Степанович на этих двух подонков, годившихся ему в сыновья, и сожалел о прошедшей молодости. Эх, сбросить бы ему годов сорок, когда он был лихим монтажником Пашкой, с легкостью и бесшабашной отвагой работавшим на любой высоте! Разве посмели бы какие-нибудь пьяницы его задеть даже словом?! Да он и в пятьдесят был еще крепок, по утрам гирику тягал, на работе и на собственной даче, как вол, вкалывал, а таких вот наглых задристышей, как Олег, ударом кулака с ног сшибал. Было времечко, да как-то пролетело, и силушка незаметно иссякла...

Павел Степанович пришел домой очень расстроенный, и его жена, взглянув на выражение лица мужа, сразу заподозрила неладное.

– Что стряслось?

– Да встретил тут Олега. Пьянчугу местного! – махнул рукой старик и коротко рассказал о неожиданной встрече.

Повздыхали старики, поохали, поругали пьяниц и участкового инспектора полиции, который никак не приструнит этих паразитов. А потом включили телевизор и начали смотреть очередной сериал.

Старики любили смотреть сериалы – это позволяло на какое-то время окунуться в сказку и отвлечься от повседневных забот, болезней, думах о завтрашнем дне.

После окончания сериала посмотрели еще программу новостей и только потом сели обедать: на всё про всё одно блюдо – суп из куриных окорочков, который вчера вечером с трудом приготовила Лидия Сергеевна.

После обеда Лидия Сергеевна легла отдохнуть – у неё часто кружилась и болела голова.

Павел Степанович решил заняться уборкой. Он тщательно подмел пол сначала на кухне, потом – в прихожей, а затем протер мокрой тряпкой. И времени, и сил он потратил изрядно, поэтому, закончив работу, сел отдыхать в кресло перед телевизором, уставившись в какую-то общественно-политическую дискуссию.

«Что-то сдавать я стал в последнее время, – грустно рассуждал старик. – Поработал-то всего ничего, а и выдохся весь! Как говорится, до старости-то я дожил, как теперь до смерти дожить?»

На экране несколько хорошо одетых господ – слово товарищ к ним явно не подходило – обвиняли друг друга во всевозможных грехах. Наконец эта говорильня прервалась на рекламу. Павел Степанович вспомнил, что дома закончился хлеб. Да и ещё кой-чего по мелочи надо прикупить.

Он заглянул в соседнюю комнату: Лидия Сергеевна уже проснулась и молча сидела на кровати.

– Схожу-ка я в магазин, – сообщил Павел Сергеевич.

– Гляди, нарвёшься на этих шаромыжников.

– Так не станут же они меня, старика, бить, – обнадежил он её, да и самого себя.

В старый потёртый кошелёк, в одном из кармашков которого Павел Степанович постоянно держал пенсионное удостоверение, было положено несколько сторублёвок. Этого как раз хватит на все необходимые сегодня покупки – лишних денег старик обычно не носил, чтобы меньше соблазнов было их потратить. Прихватил также и пластиковый пакет, чтобы не покупать в магазине.

На улице смеркалось, по тротуарам густым потоком быстро шагали люди. В основном, это был рабочий народ, который сейчас, после смены расходился по домам.

В магазине тоже толкучка – многие спешат попутно с работы закупить съестные припасы, а потом уже идти отдыхать. А Павел Степанович неторопливо бродил вдоль лавок с товарами, держа в руках металлическую корзинку, обозревал цены, выгадывая, где-что подешевле. В итоге он взял хлеба – черного и белого, пакет гречневой каши, килограмм сахарного песка, пачку недорогого индийского чая.

Очередь в кассу была солидной, покупатели двигались медленно, потому что многие наваливали на прилавки горы продуктов, как будто собирались запастись на месяц вперёд.

Наконец и Павел Степанович подошел к кассе. Заплатил, получил сдачу и, отойдя в сторону, начал перекладывать продукты из корзинки в пакет.

Когда он вышел на улицу, уже совсем стемнело, и прохожих поубавилось.

Павел Степанович пересек дорогу, немного прошелся по тротуару, а потом свернул в ближайший

двор, потому что через него проходил кратчайший путь к его дому. Старик тихо шел по пешеходной дорожке мимо нескольких неухоженных березок и зарослей мелкого кустарника.

И тут то из-за кустов вышли его недруги-алкоголики: Олег, рыжий верзила и еще незнакомый старику приземистый толстяк среднего возраста.

– Ага! Попался, дед! – улыбнувшись нехорошей кривоватой улыбкой, сказал Олег.

А рыжий верзила без лишних слов сразу врезал Павлу Степановичу по носу. Старик упал на спину, приложившись затылком к асфальтированной дорожке.

Олег пару раз припечатал ему ногой по животу. А рыжий пнул в плечо.

Старик несколько раз дернулся и потерял сознание.

– Вырубился! – сказал Олег. – Ладно, хватит с него.

Олег обшарил карманы, нашёл кошелек, выгреб из него все деньги, а потом засунул кошелек обратно в карман старику.

– Сторублёвка, да еще с десяток рубликов мелочью наберется, – подсчитал он.

– На пару пузырей красного хватит, – вступил в разговор толстяк, который старика не бил, но и не заступился.

Преступники ушли, а Павел Степанович остался лежать на дорожке.

Минут через пять на него наткнулся молодой парень. Остановился, потрогал за плечо, и убедившись, что старик не приходит в сознание, вызвал по телефону «скорую».

В этот вечер Лидия Сергеевна мужа не дождалась. Это её удивило и встревожило. Конечно, пару десятков лет назад он иногда мог после работы засидеться с друзьями в гаражном кооперативе, где так приятно выпивать у верстаков, закусывая взятыми из кессона солеными огурцами. Но сейчас подобный вариант событий казался невероятным. Прождав до полуночи, Лидия Сергеевна позвонила по домашнему телефону племяннице мужа, которая жила в другом районе города: может старик к ней заглянул – поиграть с детишками – да и остался. Хотя и это навряд ли. Племянница навещала их несколько раз за год, а старик и вовсе бывал у нее только по приглашению на больших семейных праздниках. Племянница трубку подняла и, позевывая, сонным голосом ответила, что старика здесь нет.

Потом Лидия Сергеевна задремала... и была разбужена настойчивым звонком в квартиру.

– Сейчас! – крикнула она, надеясь, что это пришел муж (может, ключ потерял и не открыть ему?). Кое-как, при помощи ходунков, старушка приковыляла к двери. Но сразу не открыла. Сначала спросила:

– Кто?

– Откройте, полиция! – раздался из-за двери грубоватый мужской голос.

Она посмотрела в глазок – люди в полицейской форме.

Открыла.

На лестничной площадке стояли два офицера полиции. Показали в развернутом виде свои удостоверения. Один представился местным участковым, второй тоже озвучил какую-то должность.

Хозяйка пригласила войти. Разговаривали в прихожей.

– Где ваш муж? – спросил участковый, высокий мужчина с угловатыми чертами лица.

– Не пришел вечером, а куда делся – сама не знаю, – вздохнула Лидия Сергеевна.

– Он был доставлен в дежурную больницу с побоями, в тяжелом состоянии, – объяснил участковый. – У него тяжелая черепно-мозговая травма, есть и другие повреждения.

Лидия Сергеевна охнула, всплеснула руками, на пару секунд оторвавшись от ходунков.

– А у него не было врагов? Может, конфликты с кем-нибудь произошли? – поинтересовался второй полицейский, невысокий коренастый крепыш.

Лидия Сергеевна на минуту задумалась, вспоминая все детали прошедшего дня.

– Угрожали ему сегодня, – сообщила она, а потом подробно рассказала об утренней встрече мужа с местными пьяницами.

Полицейские внимательно выслушали.

– Теперь-то по горячим следам мы это дело раскрутим, – довольным голосом произнес участковый.

После этого участковый прямо же здесь, в коридоре, записал показания Лидии Сергеевны, попросил прочитать и расписаться.

А потом полицейские ушли.

Анна Сергеевна приковывалась в зал и села в кресло, расположенное рядом с телефоном: надо было срочно позвонить племяннице – сообщить ей обо всем.

Павел Степанович, не приходя в сознание, умер в больнице на следующий день от тяжелой черепно-мозговой травмы.

Лидии Сергеевны сообщили об этом из полиции около полудня.

Несмотря на нахлынувшее горе она, некоторое время посидев неподвижно в кресле, подошла к телефону и попыталась по междугородней линии дозвониться до внука. Трубку никто не поднимал.

Тогда Лидия Сергеевна позвонила племяннице – та была дома, и, услышав печальную новость, сразу же заверила, что сегодня же пойдет в больницу, а потом все сама организует с похоронами.

– Ты, Зина, приходи, – сказала Лидия Сергеевна. – Деньги у меня отложены. Хватит на всё.

Через пару часов Лидия Сергеевна вновь позвонила по междугородней линии, на этот раз удачно – трубку поднял внук.

– Здравствуй, Коля! Нет больше дедушки, – сообщила Лидия Сергеевна. – Умер в больнице.

Всех подробностей она сообщать по телефону не стала. И без того внук расстроился – охнул в трубку.

Потом они подробно поговорили, внук сказал, что вечерним поездом он с мамой выезжает на похороны.

Эту первую вдовью ночь, Лидия Сергеевна почти не спала, только под утро, приняв успокоительных капель, она сумела отключиться от реальности...

Внук, вместе с мамой, приехали ближе к полудню, разбудив Лидию Сергеевну длительным настойчивым звонком в дверь.

Николай, невысокого роста, но крепкого телосложения молодой человек (весь в покойного дедушку, Павла Степановича), был мрачен, немногословен – видно было, что потеря деда его сильно взволновала.

Невестка, полноватая женщина предпенсионного возраста, тихонько поплакала на пару с Лидией Сергеевной, а потом деловито стала обсуждать дальнейшие действия.

Тут подъехала и племянница – высокая, худощавая, она выглядела моложе своих пятидесяти лет. Поздоровавшись с гостями, она сообщила, что тело покойного Павла Сергеевича пока не отдадут, потому что будет сделано вскрытие.

– Поэтому, как выдадут тело, так сразу и хоронить повезем, – сказала она.

– А я, наверное, на похороны не смогу пойти, – завздыхала Лидия Сергеевна. – По квартире еле передвигаюсь, куда уж мне на кладбище. Хороните сами, без меня. А потом здесь и помянем.

На том и порешили!

Через два дня немногочисленные родственники и несколько друзей и знакомых покойного похоронили Павла Степановича на городском кладбище. Поминки были скромными, все поместилось в квартире Лидии Сергеевны.

После поминок внук с невесткой пожил еще два денька, а потом засобирались в дорогу: внуку пора на учебу, а невестке – на работу.

Через месяц к Лидии Сергеевне пришли из полиции – все тот же высокий участковый. Он сообщил, что виновники смерти ее мужа арестованы, их вина доказана, они дали признательные показания и сейчас ожидают суда.

– Суд их, конечно, накажет, – вздохнула Лидия Сергеевна. – Но мужа мне этим не вернуть.

И началась одинокая жизнь. Сил хватало только на то, чтобы умыться и приготовить кое-какую немудрящую пищу. По выходным дням приезжала племянница, мыла полы, покупала продукты и варила кастрюлю супа на три дня. Среди недели заходила женщина из социальной службы, приносила продукты и лекарства, которые она покупала по заказу Лидии Сергеевны. Теперь, когда не стало Павла Степановича, жизнь пошла одинокая, порой даже словом не с кем было перемолвиться. Но Лидия Сергеевна не отчаивалась, потому что твердо усвоила очевидную истину: жизнь дается только один раз, и каждый лишний денечек в ее возрасте – бесценный дар от Бога!